

УДК 130.1

СОЦИАЛЬНЫЙ РИСК КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

К.А. Феофанов

ФГБОУ ВПО МГТУ «СТАНКИН», Москва

Рассмотрены основные этапы истории социально-философского понимания риска. Исследованы ключевые проблемы, предложены авторские подходы и классификации. Определены базовые термины и отношения между ними.

***Ключевые слова:** социальный риск, социальная философия, техногенные риски, природогенные риски, социогенные риски, экология, опасности, угрозы, ущерб, кризис, катастрофа.*

Понятие риска сегодня является одним из ключевых в анализе современного общества – и российского, и западного, и даже восточного, оно отражает ключевые общественные процессы и проблемы в различных областях, связанные с неопределенностью и возможностью ущерба, опасностями и угрозами, кризисами и катастрофами.

Анализ различных разновидностей риска имеет длительную историю, по продолжительности сопоставимую с историей человечества. Первыми снискали интерес древних философов и естествоиспытателей риски природного происхождения (природогенные риски). Землетрясения и наводнения, ливни и оползни, цунами и тайфуны на протяжении тысяч лет волновали мыслителей, стремившихся постичь закономерности их возникновения и найти варианты оптимального поведения человека. Однако в древности природные риски считались либо следствием «гнева богов», либо «единичным случаем» и еще не могли анализироваться систематически как результат антропогенной деятельности.

Зависимость рисков от человека начинает осознаваться только с развитием промышленности и появлением техногенных рисков. Так, в 1769 г. в Италии (г. Сан-Назаро) погибло 3 тыс. человек в результате взрыва черного пороха. В 1858 г. в лондонском порту в результате парового взрыва погибло 2 тыс. человек. Научные открытия и технологические новшества нашего века позволили, с одной стороны, повысить уровень жизни большого числа людей, увеличить ее продолжительность, но вместе с тем показали, что все позитивные аспекты имеют свою цену, «оборотную сторону современности» в виде риска событий со значительными последствиями.

Наиболее значимым фактором, подтолкнувшим анализ риска, послужила промышленная революция XIX–XX вв., вызвавшая к жизни новые технологии, реализуемые при большом скоплении населения и потому связанные с возможностью большого числа жертв в случае не-

предвиденного развития событий. В XX в. предметная область техногенного риска значительно расширяется. Химическая и нефтехимическая отрасли промышленности создают ряд полностью новых технологий, реализуемых в виде крупных производств вблизи больших сосредоточений населения. Отдельным фактором техногенного риска становится возрастание перевозок рискованных материалов, включающих радиоактивные отходы. Ядерные и генетические технологии также порождают новые риски. Новой вехой на пути увеличения масштабов риска послужило создание оружия массового поражения, в том числе и ядерного, превосходящего все остальные виды по масштабу возможных разрушительных последствий. К числу техногенных (технологических) рисков можно отнести взрывы и пожары, химические и радиационные загрязнения, ядерные технологии, генетические технологии, риски на авто-, авиа-, водном и железнодорожном транспорте.

Вместе с ростом масштабов неблагоприятных последствий прежде всего техногенных рисков процессов, постепенно начинает осознаваться «социогенность» рисков, важность изучения человеческого фактора и роли человеческих сообществ как причины и жертвы техногенных, социогенных и даже природогенных рисков. К социогенным рискам можно отнести политические и экономические кризисы и конфликты, борьбу социальных групп, экстремизм, терроризм, сепаратизм, социальный пессимизм, слабость гражданского общества, авторитарные и тоталитарные тенденции. Возрастает значение политических рисков. В середине XX в. они впервые приобретают глобальный характер, поставив вопрос о выживании всего человечества (возможность ядерной войны в ходе «карибского кризиса» и т. д.). Риски становятся всеобщими, а само общество все чаще характеризуется как «общество риска». В отличие от специфики западных и незападных обществ в «первую эпоху модерна», во «вторую эпоху модерна» имеет место сближение стран по ряду сходных проблем и вызовов [1].

В современную эпоху меняются формы взаимодействия техногенных рисков с природными (природогенными) и социальными (социогенными), рискованные процессы становятся более взаимозависимыми, приобретающая способность ко взаимному и многократному усилению. Взаимное усиление становится возможным в любой последовательности и направлении, XX в. привносит в рискологию фактор объединения рисков различного происхождения и настоятельно требует адекватного развития комплексных подходов, интеграции наук ради достижения целей теоретического и прикладного анализа. Вместе с тем для постижения сложных «средоточий» рисков возникает потребность в противоположной тенденции – дифференциации наук и исследовательских направлений, стремящихся к познанию «собственных» предметных областей.

Выступая одновременно создателем и жертвой рисков различной этиологии, человеческие сообщества во все времена стремились к понима-

нию сущности процессов и выработке практических рекомендаций по действию в условиях риска. В советское время исследовались риски, связанные с организацией труда и принятием решений, ценностно-нормативной регуляцией поведения человека, социализацией и адаптацией. Несмотря на невозможность даже простого упоминания нестабильности существующего социального порядка и любого из его элементов – технологического, экологического, экономического или политического, объективно возникающие проблемы советского общества все же находили частичное отражение в исследованиях российских философов. Рискогенные социальные факторы анализировались отечественными обществоведами применительно к «капиталистическому» обществу, что не могло не способствовать развитию собственной научной мысли и соответствующих методов теоретического анализа. Западные концепции, сегодня составляющие фундамент мировой социологии риска, несмотря на наличие идеологических и политических препон, все же были преимущественно известны российским обществоведам.

Одним из первых импульсов, подстегнувших интерес к рисковому проблематике в российской постсоветской истории и во многом обусловивших дальнейшее развитие российской социологии риска, стала чернобыльская катастрофа 1986 г. Сам факт катастрофы впервые гносеологически зафиксировал возможность рисков в советском обществе, несмотря на «социалистическую планомерность» и прочие характерные иллюзии того времени.

Более двадцати лет со времени чернобыльской катастрофы оказались решающими для становления отечественных исследований риска. За это время тема риска, прежде неявно присутствовавшая в исследованиях по теории вероятностей, математической статистике и экономике «капиталистического общества», превратилась в одно из ведущих научных направлений как в области естественных, так и гуманитарных дисциплин. Одной из первых работ, привлечших внимание российского научного сообщества к проблеме *техногенного* риска, была статья академика В.А. Легасова [2].

Через несколько лет после констатации важности изучения техногенного риска в Московском университете была создана междисциплинарная исследовательская лаборатория, организаторы которой заявили о необходимости учета *социальных* аспектов рисков любого происхождения – *техногенного, природогенного, социогенного* – и ввели в научное употребление термины «социология риска» и «социальная рискология» [3]. Идея состояла в том, что без понимания социально-философской составляющей техногенных или природогенных кризисов не может быть адекватного понимания ситуации, поскольку люди с их психологией, мнениями и стереотипами являются важнейшей составной частью любого технологического процесса или производственного комплекса. Эта идея, сразу получившая широкое одобрение научного сообщества, была продиктована социальной практикой критических ситуаций различного происхождения в

России и во всем мире. В целом проблематика риска вызвала широкий интерес и привела к результативному сотрудничеству представителей различных технических и гуманитарных дисциплин.

Важной составляющей исследований стала работа над определением базовых терминов и отношений между ними. Как следствие, имело место активное разрастание терминологического аппарата и числа подходов. В гуманитарных дисциплинах ведущую роль в изучении риска получила социология, в которой «риск» стал одним из важнейших терминов, *эвристическим механизмом* по привлечению новых понятий, отражающих выстроенные концепции и изучаемые проблемы. Следствием проделанной работы стало обнаружение многочисленных разновидностей риска. Наряду с *природогенными (природными) рисками*, представленными землетрясениями, наводнениями, оползнями, засухой, лавинами и цунами, и *техногенными (технологическими) рисками*, возникающими вследствие взрывов и пожаров, химических и радиационных загрязнений и различных транспортных проблем, стало принято говорить о *социогенных (социальных, общественных, социально-политических и даже социокультурных) рисках*, представленных широким набором разноплановых явлений – трансформационными процессами, борьбой социальных групп, военно-политическими конфликтами, экономической конкуренцией, политико-экономическими кризисами, маргинальными группами, терроризмом и сепаратизмом, ценностными конфликтами, социальным пессимизмом, кризисом семьи, образования и воспитания, депрофессионализацией, кризисом духовности, искусства и СМИ, деморализацией политики и права, преступностью, слабостью гражданского общества и усилением авторитарных тенденций.

Как следствие внимания к перечисленным разновидностям риска, имел место *эффект мультипликации* – многократный рост контекстов употребления и числа значений основных понятий. Ряд терминов из области техно- и природогенных рисков обрели социальное звучание и новые контексты.

«Эффект мультипликации» сопровождался *эффектом бумеранга*: разноплановые попытки «внести ясность» в обсуждение отношений между понятиями и противоречивые стремления «переписать историю риска» на свой лад достигли предельной непродуктивности и привели к общему ощущению «густого тумана, где видимость не дальше бампера машины» [4, s. 9]. Как выяснилось, в схожей ситуации оказалась не только теория риска, но и другие социальные теории, развивавшиеся не в рамках определенной предметно-функциональной области вроде социологии семьи или труда, а следовавшие за тем или иным абстрактным термином как самовоспроизводящимся эвристическим механизмом. К их числу можно отнести, например, теории маргинальности и аномии, рассматривавшие социальные риски почти без упоминания самого термина «риск» и для своего времени бывшие вполне междисциплинарными, учитывавшими психологические и культурологические аспекты.

Проблема раздробленного и диверсифицированного рискологического дискурса, однако, стоит менее остро в практических исследованиях. В этом случае эвристическим импульсом является конкретная *проблемная ситуация* и социальная полезность исследований с точки зрения тех или иных социальных субъектов. В прикладных проектах задействуются, как правило, не теоретические постулаты, а практические идеи социологии и привлекаемых дисциплин – психологических, политических, экономических и других наук – в их всевозможных пересечениях с различными вариантами анализа социально-общностных уровней (организации, семьи, коллективы, многочисленные проблемные группы). Прикладные исследования исходят из методологической и методической целесообразности, прямой или косвенной теоретической основой выступает понятийный аппарат привлекаемых областей знания. Объединяющим творческим базисом становится «здравый смысл», совершенно различный у разных исследователей, но все же вписывающийся в общую логику ситуации. И только после выстраивания, на подобном фундаменте, общего *каркаса предстоящих исследовательских работ*, сбора эмпирических данных и привлечения необходимых материалов возможны «косметические» добавления в виде опробирования отдельных уместных теоретических положений, способных обогатить результаты и «вскрыть» неявные причинно-следственные связи. Прикладной характер рискологии сам по себе уже выступает упорядочивающим, очистительным механизмом, разрушающим или перерабатывающим «мертвые концепции», засоряющие наше «ментальное пространство».

Например, стремление к практико-прикладной адекватности рискологических терминов привело к явному устареванию «экологии» как научного понятия (но не как этического императива или публицистического обозначения важности борьбы за чистоту окружающей среды). Буквальное значение этого слова, «наука о доме», утратило прежнюю идейную привлекательность и для прикладной рискологии звучит слишком абстрактно и наивно, как некое пожелание, чтобы «все было хорошо». Однако достижение благ и преимуществ всегда сопряжено с непредвиденным развитием событий, конкретными потерями, «обратным эффектом», «платой за удовольствие». В языке исследователей соответствующая общая проблематика поэтому охотно заменяется более конкретными явлениями, относительно которых понятно, о чем идет речь: «безопасность окружающей среды», «прогноз загрязнения атмосферного воздуха», «превышение норм предельно допустимых концентраций вредных примесей», «мониторинг окружающей среды», «индекс загрязнения» и т. д.

В отличие от «экологии», термин «риск» при анализе ситуаций вполне может принимать конкретные значения. Секрет изначальной популярности и развертывание понятия «риск» в обширный массив исследовательских направлений заключены в его способности к *многовариантной операционализации*. Преобразование, переформулировка абст-

рактного понятия в конкретные термины на основе субъективных предпочтений и переход от концептуального осмысления к операциональному рассмотрению проблемы – этой способностью не обладал ни один другой термин [5]. Для сравнения: «угроза», «опасность», «ущерб», «кризис» и «катастрофа» явно не столь метатеоретичны и многозначны, имеют более низкий *эвристический потенциал*, труднее поддаются операционализации и, кроме того, не обладают должным познавательным оптимизмом, скорее констатируя свершившиеся нежелательные ситуации, а не возможность их избежать или минимизировать.

Список литературы

1. Beck U. The cosmopolitan perspective: Sociology of the second age of modernity // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51 (1). P. 79–85.
2. Легасов В.А. Проблемы безопасности техносферы // *Коммунист*. 1987. № 8. С. 92–101.
3. Никитин С.М., Феофанов К.А. Социологическая теория риска в поисках предмета // *Социологические исследования*. 1992. № 10. С. 120–127.
4. Luhmann N. *Soziologie des Risikos*. В.-N.Y.: Walter de Gruyter, 1991.
5. Феофанов К.А. Российская социология риска: состояние и перспективы // *Социологические исследования*. 2007. № 4. С. 3–13.

SOCIAL RISK AS A SOCIAL PHILOSOPHY CATEGORY

К.А. Feofanov

MSTU «STANKIN», Moscow

In the article's format, the basic stages of the history of the social and philosophical understanding of risk are considered. Analyzing the key issues regarding this problem, the author proposes his own clasificatory approach to risk factors. The basic terms of analysis and relations between them are defined.

Keywords: *social risk, social philosophy, technogenic risks, naturegenic risks, sociogenic risks, ecology, dangers, threats, damage, crisis, catastrophe.*

Об авторе:

ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры социологии, психологии и педагогики ФГБОУ ВПО МГТУ «СТАНКИН», Москва. E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

Author information:

FEOFANOV Konstantin Anatolyevich – Doctor of political sciences, Professor of the Department of «Sociology, psychology and pedagogy», MSTU «STANKIN», Moscow. E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com